

18+

РАЯН ФАРУКШИН

ТИХИЙ

КАЖДЫЙ ПО-СВОЕМУ
ПЕРЕЖИВАЕТ СВОЮ ВОЙНУ

Раян Фарукшин

Тихий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61931061

ISBN 9785005155610

Аннотация

Ильфат – солдат срочной службы, попавший в водоворот военных событий на Северном Кавказе. Его судьба необычна. Его война не закончена. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

«Тихий»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Тихий

Раян Фарукшин

© Раян Фарукшин, 2020

ISBN 978-5-0051-5561-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Тихий»

Башкирия, 1985 год.

Этим летом ему исполнилось пять лет, и он очень любил ходить с дедом на сенокос.

Их небольшая делянка, выделенная совхозом для покоса вдоль узкой мелкой речушки, извивавшейся меж поросших берёзками широких холмов, находилась в трёх километрах от деревни.

Ранним утром, обутый в полуразвалившиеся синие сандалии Ильфат, в коротких облянялых штанишках и застиранной футболке, обычно бежал по тропинке впереди деда. Мелкими шажками, а иногда – вприпрыжку. То и дело слетая с натоптанной землицы в высокую, влажную от росы траву. Но мальчишку это нисколько не печалило: он выполнял важнейшую миссию – нёс в холщовой сумке обед – и полностью был на ней сосредоточен.

Деду весной стукнуло 70. Он никогда не употреблял спиртного и не курил, всю жизнь занимался физическим трудом, крайне редко болел и выглядел значительно моложе своих лет. В калошах, обутых на обвёрнутые дряхлыми портянками ноги, дед увесистой рабочей поступью шёл позади внука. Коса – на плече, точильный камень и нож – на поясе, за спиной – рюкзачок с трёхлитровой банкой кислого молоч-

ного продукта – катыка. На лысой голове – выцветшая и пожелтевшая от старости и пота кепка. Бесцветные широкие шаровары из тонкой мягкой ткани и безразмерная майка завершали его суровый деревенский вид.

Дойдя до делянки, дед осторожно вынимал банку из рюкзака и пристраивал её в воде – на камнях в речке. Так напиток до конца рабочего дня оставался прохладным и приятным на вкус. После, убедившись, что банка не упадёт и не разобьётся, дед проворно и деловито затачивал косу точильным камнем. А Ильфат швырял в воду камешки.

Пока дед косил, часа два-три, мальчишка скакал вдоль речки в попытках поймать стрекозу или, примостившись под старой елью, рассматривал высокий рыжий муравейник, построенный его обитателями из обломков веточек, комочков земли, еловых иголок, мельчайших камешков, кусочков листьев и хвои. Ильфату нравились муравьи, эти вечные и неустанные трудяги леса.

Иногда Ильфат ловил мух или других летающих тварей и опускал их на муравейник, с любопытством наблюдая, как муравьи дружной командой хватают добычу и организованно несут к себе в дом. Бывало, мальчишка подкладывал веточки или травинки на пути муравьиной ватаги, но насекомые безбоязненно преодолевали любые барьеры, передвигаясь по своей сложной системе ходов. Озадаченные общей целью, они всегда достигали желаемого и скоро скрывались из виду, утаскивая жертву внутрь своего многоуровневого

гнезда.

Самым лучшим и приятным моментом дня, конечно, стал обед. Как правило, продуктовый набор для своих косарей готовила бабушка. На самом рассвете, Она заворачивала в махровое полотенце два варёных вкрутую яйца, два куска хлеба, пучок зелёного лука и укропа, головку чеснока, два варёных клубня картофеля. И это была самая вкусная еда на свете!

Даже процесс извлечения продуктов из сумки и разворачивания полотенца доставлял Ильфату радость. Он торопился, суетился, крутился, ронял в траву то картошку, то хлеб, но всё равно – радовался. А макая картошку в спичечный коробок с солью, смеялся.

Скоро и сытно отобедав, мальчишка впадал в приятную полудрёму. Медленно, с ленцой, он организовывал себе подстилку из подручных материалов. Подложив под голову сумку, засыпал. Час-полтора сна на свежем воздухе, в тени дерева, пролетали, как семь секунд.

Проснувшись, Ильфат потягивался, посапывал, переворачивал с боку на бок, мялся, оттягивая момент подъёма. Как раз дед, закончив свою работу, присаживался рядом и допивал катык. Но последний, самый вкусный глоток, конечно, оставлял внуку. Ильфат, глотнув волшебного напитка, пробуждался окончательно.

Каждый вечер дед с внуком возвращались домой тем же путём, что и пришли. Но в один чудесный день дед решил

сделать незначительный крюк и провести Ильфата по заброшенным, но незабытым им местам своего собственного детства.

Перейдя речку вброд, пара углубилась в редкий лесок. Среди россыпи берёз и осин попадались дикие поросли яблони, ранетки, рябины, вишни. Плодовые деревья были старыми, изогнутыми, иссохшими.

– Раньше, давно, до революции, тут рос прекрасный сад. Под деревьями стояли ульи с пчёлами: была шикарная пасека. Речка была глубже, вода текла быстрее. В подходящем месте был вырыт пруд и поставлена водяная мельница. За садом, между лесом и речкой, – негромко сказал дед по-татарски, остановившись и всматриваясь в лесную чащу, – стоял двухэтажный дом. За домом – баня, сарай, конюшня, зернохранилище, погреба для хранения продуктовых заготовок зимой. И мечеть. Всё принадлежало местному баю. На этого бая, богача, работали все, кто жил поблизости. И в нашей деревеньке тоже. Я почти ничего о тех днях не помню, я был младенцем. Но мой отец иногда рассказывал мне о жизни нашей семьи в те времена. Говорил, что бай был хорошим человеком и не обижал своих крестьян.

– И где те дом и конюшня? – покрутил головой Ильфат, потряхивая деда за руку. – Там есть лошадки? И где бай живёт теперь?

– Нет, ни дома, ни бая сейчас нет. Когда началась гражданская война и люди, словно охваченные страшной болез-

ню, стали злыми и дикими, баю пришлось убежать, – дед нежно погладил внука по голове. – Страшные и непонятные годы обрушились на нашу страну. Безграмотные крестьяне ничего не понимали и не знали. Пришлые революционеры разграбили и разломали все постройки. Что-то подпалили и сожгли дотла. Батраки, работавшие у бая, разошлись по соседним деревням и сёлам. Потом их определили в колхозы.

– Я ничего не понял, – пожал внук плечами. – Что такое «гражданская война» и кто такие «революционерры»? Почему они сожгли дома? Это же плохо!

Дед, впад в раздумья и изменившись в лице, застыл. Он не расслышал вопросов внука. Он витал в облаках воспоминаний и думал о своём детстве.

– Ау, я – тут, – Ильфат энергично потопал ногам. – Дедушка, ты меня слышишь?

– Да, слышу, – дед крепче сжал ладонь внука. Так, как гуляя в этом саду шестьдесят лет назад, сжимал его детскую пятерню его отец. – Ты вырастешь, узнаешь, и поймёшь.

– Почему сад зарос и яблоки такие малюсенькие? – мальчишка показал на мелкие съёжившиеся плоды ближайшей яблони.

– Лес поглотил его. И пруд исчез. Берега оползли, изменились. От мельницы не осталось и следа. Не разрушили только мечеть. Может, не захотели, может, испугались гнева Всевышнего. А, может, её отстоял мулла. Мечеть работала, сначала явно, потом, как бы, тайно, аж до конца войны. Потом

мулла умер, и сюда приходили всё реже и реже.

– Какая ещё мечеть? – удивился внук. – Я никогда не видел мечеть. А что это значит? Какой ещё войны? Ты что, был на войне?

– Мечеть была главным зданием в селе. Это место поклонения Аллаху, центр нашей, исламской культуры и образования. В мечетях учили читать и писать на татарском и арабском языках, и не только молитвы. Мечеть была школой и для молодёжи, и для стариков, – голос деда отливал уважительным тоном. – Я помню, мы приходили сюда по пятницам. Мой отец говорил, что в мечети можно просить у Всевышнего прощения за проступки прошлого и просить о помощи в делах будущих.

– Значит, это хорошее место? – не унимался Ильфат. – Да?

– Однозначно, хорошее, – утвердительно кивнул старик. – А война была с фашистами, нехорошими немцами, которые напали на нашу страну в 1941 году. Они убили много ни в чём не повинных людей. Но в 1945 году наш советский народ фашистов победил.

– Всех?

Лицо деда пошло мелкими багровыми пятнами. Он хотел было сказать правду, что не всех победили, не со всеми разобрались, не до всех руки дошли, но старик промолчал. «Особенно, многие из предателей избежали наказания. Но это временно. Они получат своё, заслуженное, в ином ми-

ре», – подумал дед.

– Так ты был на войне? И они тебя не убили? – не затихал малыш. – Видел танки? А самолёты видел? Пушки? А они большие?

– Танки? Бо-ольшие-е, – дед широко раскинул руки и растопырил пальцы, визуалью обозначая размеры танка. – Но, как видишь, не убили меня немцы. Не смогли они меня убить, меня Всевышний сберёг. Именно там, на войне, я понял, насколько велика его сила. Искренне поверил в него, и попросил защиты.

Продираясь сквозь непроницаемые заросли крапивы, дед вышел к небольшому покосившемуся зданию, сложенному из сосновых брёвен, частично обшитых полусгнившими досками. Крыша была сколочена из таких же досок. На низкой хлюпкой двери входного тамбура висел ржавый, но надёжный замок.

– Осторожно, – дед обернулся к Ильфату, – крапива – хороший охранник, она обжигает всех без разбора.

– Ай, кусает, – Ильфат потёр локти. – Больно!

– До свадьбы заживёт, – с юмором отреагировал дед. – Смотри, внутрь мечети нам не попасть. Но мы можем заглянуть туда через окна, если ты хочешь.

– Конечно, хочу, – воскликнул мальчишка, разглядывая невиданную доселе старинную постройку. – А почему этот важный домик такой маленький? И что это за башенка? Для чего она?

– Для деревни – размер подходящий! Наша мечеть – одноступенчатая, а башенка, что возвышается по центру – это минарет, – дед подошёл к разбитому окну. – Мечети с двумя молельными залами строили в городах. А на минарет поднимался мулла, муэдзин, и пять раз в день пел, звал людей на намаз, призывал совершить молитву.

Перегнувшись через зубья дроблёного стекла, дед заглянул внутрь. На подоконнике лежали пожелтевшие куски газеты на татарском языке, хвоя, рваные листья, комья пыли. Напротив, вдоль стены, стояли пустые деревянные полки, местами овитые сеткой паутины. На полу валялась битая посуда, остатки мебели, домашней утвари. Виднелась узкая деревянная лестница для подъёма на минарет.

– Раньше, помню, тут было очень красиво, величаво, торжественно. Чувствовался особый дух, – дед облизал внезапно пересохшие губы. – Свободы человека над земными проблемами. Когда всё сложное вдруг становилось лёгким, понятным и разрешимым.

– Можно, я посмотрю? – Ильфат рвался перепрыгнуть через плечо деда и влезть в мечеть через окно. – Я хочу свободы над проблемами!

– Какие у тебя есть проблемы, внучок? – улыбнулся дед. – Не надо тебе сюда. Вырастешь, осознаешь, сам придёшь.

Чечня, 2000 год.

– Тащ капитан, а вы вот объясните нам, пожалуйста, почему мы одеты, обуты и вооружены хуже этих самых боевиков? – рядовой Полосатов хитро прищурился, измеряя командира лукавым «ленинским» взглядом.

– Чего? А подробнее?

– Вот, например, вчера мы вместе с вами к ГРУшникам ходили, смотрели на трёх бородачей, которых в плен взяли. А они-то, боевики, во всём новеньком, как с выставки. Куртки такие качественные! Со съёмными подстёжками и воротником! Из ботинок стельки вынимаются – сушить можно. Разгрузки с удобными клапанами. И ножи крутые, пистолеты у них были. Нам соседи, ГРУшники, рассказали. Даже у вас пистолета Стечкина нет. А у бородатых – у каждого такое добро было. Как так получается? Мы – воюющая армия огромной и богатой страны, а они – бандиты. А обмундирование у них лучше, качественнее нашего, новее. И оружие – прямо песня. И связь – модная. Почему?

– Ты, Полосатов, пойми, чем меньше народу, тем больше кислороду! – отрезал капитан Чернушин, резко разрезая ладонью воздух напополам, от головы до пояса. – Это – закон!

– А как это? – боец отчаянно вылупил зенки, пытаясь выразить крайнюю степень недоумения, резко опустил уголки губ и выпятил сморщенный подбородок. – Не понимаю!

– Сколько у абреков бойцов в бандах? Человек, так, десять

тысяч. Ну, пусть больше, допустим, что двадцать. А у нас? Миллион человек в армии служит! И каждого накормить, одеть, вооружить необходимо. Ну, выпустила Родина за три года двадцать тысяч новых автоматов и двадцать танков. Где они? Растворились на просторах от Калининграда до Камчатки! А боевикам весь мир помогает. Эти американцы, например, они же спят и видят, как Россия развалится, и они хапнут задарма нашей нефти, угля, леса, газа, воды. Вся эта американская НАТОвская шпана боевикам помощь шлёт: и турки, и англичане, и немцы, и поляки. Добавь к НАТО страны арабского мусульманского мира. Кувейт, Эмираты, Иордания. И они ваххабитам-недобиткам помогают, хотят наш Кавказ сделать себе подвластным, и рулить горцами, как вздумается. Чтобы позднее выкачать отсюда за бесценок все природные богатства.

– Выходит, на нас работает одно государство, а на боевиков – куча! Так? – Полосатов удивлённо вскинул густые брови аж до середины лба. – Точно?

– Точно, Полосатов. Вот и получается, что всем миром, с каждого – по кусочку, снабдить небольшую армию легче, чем одной стране – содержать огромную!

– Так, кажется, ясно. Только зачем эти образные двадцать танков распылять по всей России? Воюем-то мы, вот здесь! Здесь, под Бамутом, эти танки нужнее, чем в Подмосковье, на Сахалине или, в этой самой, в Еврейской автономной области! – Полосатов сделал лицо умника, брови изогнул до-

миком. – В третьей роте служит друган мой – Васька Иванов с Биробиджана, я от него слышал, что там и ракетные, и мотострелковые части стоят.

– Полосатов, узко ты мыслишь, неглубоко! Предлагаешь сюда всё лучшее вооружение перекинуть? Новые самолёты, вертушки и танки? Не получится!

– Почему? Вот, не доходит до меня! Собрать тут железный кулак и вье... вломить боевикам разок!

– На Российско-Китайской границе узкоглазые держат свои вооружённые силы, которые, в случае чего, могут на нас напасть, чтоб оттяпать себе земли русской со всеми городами и природными богатствами, да расширить территорию Китая до Урала. У нас там сколько земли пустует? А в Китае друг на друге сидят по три человека, миллиард с половиной народу, и попробуй уместить всех на пятаке! А на западе америкосы баз своих понастроили, вся Европа в их базах. А они там непросто так, наверное, да? Могут напасть в любую минуту! А японцы сколько лет островов Курильских требуют подарить? Могут попробовать напасть, чтобы силой забрать? Могут? Могут! А америкосам с Аляски кинуть свои полки на помощь япошкам – пять минут! Поэтому, если не держать всё лучшее вдоль всей границы, страну нашу вмиг покромсают, поделят, порвут!

– Умный вы, наверное, тащ капитан! И как вас послушаешь, всё вы верно говорите, складно и правдиво, только страшно становится жить. Всюду – угроза, всюду – против-

ник! Просто со всех сторон враг нас окружил, – Полосатов вдруг перешёл на шёпот. Напряжённо озираясь и втягивая бритую голову в тонкую шею, а шею складывая в узкие плечи, он выпятил нижнюю губу и дерзко выставил нижнюю челюсть вперёд. – Настоящие «Байки из склепа», часть четвёртая!

– А ты как думал, солдат? Что тебя просто так, из прихоти дурной в армию призвали? Вот захотел дядька в Кремле, чтобы ты, Полосатов, бросил девушку свою в Костроме...

– В Кирове, командир, – поправил Полосатов.

– В Кирове, и поехал грязь месить под Бамут, – улыбнулся капитан Чернушин, – а? Ты здесь неспроста, солдат, ты здесь готовишься страну свою защищать от более коварного врага, чем эти волосатые боевички. Ты здесь навыков набираешься, которые тебе здорово пригодятся, если америкосы или узкоглазые на нас попрут. Понял?

– Так точно! Понял! Не понял только одного.

– Чего?

– А что вы, тащ капитан, умный такой, здесь с нами, бездарями, делаете? Вам место в штабе где-то, а может и в Генеральском даже!

– В Генеральном, а не в «генеральском», – Чернушин обвёл глазами бойцов своей второй роты, прищурился, призадумался. Увидев бережно обёрнутую в самодельный тканевый чехол и подвешенную на крюк гитару в углу палатки, попросил: – Ну, Журавлёв, подай свою шестиструнку коман-

диру!

Лысый оборванец Журавлёв сорвался с кровати, вынул гитару из чехла, подал Чернушину.

Бойцы роты, затаив дыхание, следили за командиром, несколько минут уверенными движениями сильных пальцев перебирающим струны гитары, вразнобой обклеенной вкладышами из-под модной жвачки с изображением сцен из фильма «Терминатор».

– Владимир Семёнович Высоцкий, – прервал молчание Чернушин, – «Случай в ресторане».

Капитан запел. Красивым голосом, с хрипотцой, с перепадами высот, с меняющейся интонацией. Запел, подтопывая стоптанным сапогом в такт ритму, подёргивая плечами, играя мимикой лица, рыча и сотрясая густой шевелюрой неуставной причёски.

Бойцы оторопели, вылупив семьдесят пар глаз на Чернушина, они внимательно вслушивались в слова неизвестной ранее песни.

– Извини, капитан, никогда ты не станешь майором, – с финальным аккордом капитан с силой сжал гриф, обвёл взглядом азартно горящих глаз бойцов, встал.

Зрители грохнули в ладоши. Грязные, потрескавшиеся и сухие:

– Молодец!

– Круто!

– Здорово даёшь, командир!

– Давайте ещё!

– На сегодня хватит, парни. Отбой! – Чернушин кинул гитару Журавлёву и вышел из толпы обожателей и прогретой палатки в холодную ночь. Три старших лейтенанта, командиры взводов Батаев, Ружницкий и Силантьев повыскакивали следом.

Замполит роты капитан Юнусов, темнокожий и узкоглазый, низкорослый и кругломордый башкир, прозванный в полку «Хан Мамай», уходить не спешил:

– Так, смена караулов по распорядку, не забываем, да. Остальные – ложимся и спим, не сопим. Подъём в шесть. Зарядку лично проведу. А то, бля, вчера у нас кое-кто совсем сдох на боевом выходе, зачмырился. А чмырей я терпеть в своей роте не собираюсь. Сам придушу. И если капитан Чернушин сегодня за меня с вами политзанятие провёл, то завтра я сам вами займусь. Попотеете у меня. Марш-бросок вокруг лагеря с полной выкладкой сделаем!

– Так точно, – козырнул Полосатов.

– Ты, умник, с пулемётом завтра бегать будешь, – указал Мамай на Полосатика. – Если Чернушин не желает вас уму-разуму учить, я научу. Моя рота будет самой боеспособной и воевать будет без потерь, – капитан ударил каблуками сапог, развернулся, и вышел из палатки.

– Не, а у нас ротный – мужичара! – Полосатов потряс кулаком у носа Самигуллина. – Уровень! А ты, Тихий, уснул? Ну, ты жук, тебя ничем не возьмёшь!

– Возьмёшь, если в руке – нож! – Журавлёв укутал гитару в тряпки, засунул в чехол.

– Так, бардак окончен, теперь мою команду слушай, – сержант Воропаев, уважаемый в роте дед, плюхнулся на кровать. – Делаем, как Мамай сказал, варежки закрываем и спим. Завтра – день тяжёлый. А ответственным за смену караулов назначаю Полосатого, – Воропаев погрозил Полосатову огромным кулаком, – если что-то будет херово, ответишь!

– Понял, – улыбка слетела с лица Полосатого. – Как чего – сразу я...

– Рота, отбой, – Воропаев накрылся спальным мешком с головой и сразу захрапел.

Бойцы зашевелились, готовясь ко сну, доделывали свои мелкие повседневные дела, заканчивали свои «тёмные» делишки.

– Как он так может, сразу? – Журавлёв удивлённо пожал плечами. – Только глаза закрыл, и уже сны видит! Пиво, небось, и лещей вяленых. А ты, Тихий, так можешь? – Журавлёв повернулся к соседней кровати. Там, невзирая на шум копошащейся роты, широко раскрыв рот и пуская жёлтую слюну, спал рядовой Ильфат Самигуллин. Смуглый, низенький, ростом всего около метра шестидесяти, неприметный татарин, прозванный Воропаевым «Тихий» и Юнсовым «Мальчик-с-пальчик».

– Да, братан, ему равных в этом деле нет, – подмигнул

Журавлёву ефрейтор Грибов по прозвищу «Понос», – спит везде и всегда. И ничего ему ни от кого не бывает. Такой он, жопа, маленький и тихий, что слова не вытащишь! Зырь, такого и обижать западло!

– Точно. А вот нам, бля-буду, завтра достанется! И это, Гриб, спасибо за вчерашнее тебе сказать хотел. Спасибо, братуха!

– Ничего, – махнул здоровенной лапой Грибов, его неизменно грустные глаза плутовато блеснули, – литр мне поставишь и всё. Вместе и выпьем за наше здоровье! Отбой!

*

– Значит, солдаты, смотрите! Здесь до нас разведка ВДВ уже прошла, уже прошла неоднократно. Десантура прошла, специально этому делу обученная. Вот, так они здесь полазали, – командир батальона майор Чумаков поводил грязным ногтем по внушительного размера карте, склеенной из шести ватманов. – Смотрите, вот здесь она прошла в низине и сюда – вверх на высоты над котлом вышла. Сейчас она, разведка, десантники эти, на высотах тихо сидят, подступы к селу охраняют. То есть выходы из села контролируют. Наша задача, повторяю: сейчас наша задача пройти этими тропами к селу ещё раз. Возможно, боевики заготовили схроны с оружием и боеприпасами, продовольствием и медикаментами. Возможно, из села они будут ходить сюда к этим схро-

нам, чтобы отлежаться, подлечиться и покушать.

Майор Чумаков замолчал. Тревожно покачав головой, посмотрел куда-то сквозь Чернушина. Почесав гладковыбритый квадратный подбородок с узким коротким шрамом на самой середине, продолжил:

– По планам наших командиров, значит, командиров, боевики будут отходить через хребет на север. Тогда разведка их увидит и наведёт артиллерию или авиацию. Но не факт, что бородачи по высотам поползут, тяжело там, кустарник плотный, грязюка, дорог нет никаких, тропинки узкие, местами заминированные с первой войны и с прошлого года. А вдруг сюда попрут? А тут – мы, херррак! Мы, если что-то находим, сами вызываем артиллерию или авиацию, через меня. Хотя, хер что, то есть, ничего мы не найдём. Они не идиоты и не дураки, сюда вниз спускаться на открытое место, где их с вертушек всех разом можно накрыть. Они по высотам пойдут. А там уже как десантура сработает. Дай бог, чтобы так и было. Хотя, люди оттуда, – комбат выразительно посмотрел вверх, – говорили, что в селе смертники одни остались, и уходить они не будут, а попрут на прорыв, прямо на группировку. Меня, кстати, командир полка во главе двух рот нашего батальона придаёт третьему батальону. И мы, вместе, примыкаем к группировке, штурмующей село. На штурм, значит, пойдём, если этот бедлам можно обозвать штурмом. Так что вам, вам ещё повезло.

– Так точно, тащ майор, – бодро козырнул Чернушин. –

Значит, отсюда на БМП до развилки, оттуда в пешем порядке. Километров семь выходит. Нормально. Это пять часов пути.

– Это какие такие «пять часов»? Оборзели совсем! Три часа! Три! Тут идти нечего: хрен, да ни хрена. Работа для новичков, – комбат постучал кулаком по карте. – Значит, старшим идёт капитан Чернушин, то есть ты сам. Понял? А кому роту вести, кроме командира? Некому!

– Так точно! Понял, – капитан потупил взор, – сделаем.

– Юнусов, – комбат внимательно посмотрел в тёмно-серые глаза уральца, – и ты идёшь, последним, замыкать будешь. На тебя вся надежда, чтобы не отстали, не потерялись бойцы, тебя ставлю, понял? Батаев, Ружницкий, Силантьев – на вас особая надежда! Вы своих бойцов знаете. Вот и глядите за ними! Не дай бог, что с ними случится! Мне тут никакие двухсотые не нужны, – Чумаков шмыгнул носом, – и вам, я думаю, тоже не нужны. А?

– Так точно! Не нужны, – пробурчали офицеры.

– Так, Чернушин, сколько штыков ты сможешь поднять?

– На сегодня у меня семьдесят бойцов в строю. Плюс пять офицеров со мной вместе, товарищ майор!

– Да не надо мне тут «тащ майор», да «тащ майор». Заладил! Нормально, семьдесят пять человек хватит. Два дня в лесу посидеть, пока из села остатки «духов» выбьют, и всё. Тем более, повторяю, тем более, по замыслу командования, выйдут они на десантников, а не на вас!

У меня всё. Приказ понятен? Выход – ровно через двадцать четыре часа! Завтра, в пять утра, чтобы все чётко стояли у своих машин! Исполнять!

*

– Грибов, Воропаев, Полосатов, Самигуллин, Журавлёв! Вы остаётесь и занимаете позицию здесь, – Батаев махнул рукой влево, – вот ваш сектор обстрела, тропа. Не бздите, тропа одна. За спиной, как видите, скальник, справа внизу – река, оттуда мы пришли, там группировка войск. Вперёди будем мы, соответственно, боевики, если появятся, то только слева. Значит, вы их увидите. Как засечёте, сразу докладывайте мне: кто, сколько и куда. Если что, я прикажу либо открыть огонь, либо тихо осуществить отход до позиций роты. По обстоятельствам. Ясно?

– Так точно, – прошептал Грибов.

– Остаётесь, прикрываете продвижение роты с тыла. Окопайтесь, насколько возможно! Мы дойдём до конца поляны, займём круговую оборону. Замена через четыре часа. Первый сеанс связи через два часа, дальше – по обстановке. Рация работает?

– Работает.

– И отлично. Отходить только по моей команде! Сверим часы? Десять часов семнадцать минут. Грибов, ты командир отделения? Вот ты, и за старшего будешь!

– Командир, как-то несерьёзно нас так, без офицеров

оставлять, в непролазном лесу...

– Чего? – Батаев так неприязненно глянул на Грибова, что тот оконфуженно съёжился.

Повалившись на спину, на рюкзак, Грибов кулаком сдвинул каску на затылок. Удерживая пулемёт на левой руке, правой снял с предохранителя, передёрнул затвор:

– Пацаны, копайте пока вы!

Полосатов и Самигуллин скинули РДшки, положили сверху автоматы, вынули сапёрные лопатки, приступили к оборудованию позиции. Воропаев и Журавлёв прислонили оружие к трухлявому поваленному дереву, достали из карманов по гранате.

– Заминируем тропу, – прошептал, сквозь одышку, Воропаев, – ща замыкание пройдёт и всё, я растяжки поставлю.

Мимо тихо прошагало замыкание взвода. Последним шёл капитан Юнусов:

– Не зевайте, пацаны. Если что, если совсем припрёт, ракеты пускайте! Я – рядом.

– Хорошо, пуцу, – безрадостно пообещал Грибов, – верю, что вы не бросите.

– Только ты не перепутай, Гриб, не в штаны газы пускай, а ракету – в небо, – задорно подмигнул офицер, пытаясь хоть как-то растормошить, пронять оробевшего под грузом ответственности бойца.

Воропаев отбежал назад по тропе шагов тридцать, разгрёб сырую листву, положил гранату. Натянув проволочку,

поколдовал над маскировкой. Полюбовался:

– Не видать. Вот я мастером уже стал.

Отсчитав десять шагов, приготовил врагу второй сюрприз, на этот раз, спрятав гранату на уровне плеч в ветках сухостоя. Журавлёв молча наблюдал за действиями товарища, поводя стволом автомата по сторонам, да подщёптывая:

– Капец, блин, капец. Кинули посреди леса...

– А ты не бойся, Жура, всё обойдётся, не впервой! Просто действуй по обстановке и бойся рисковать!

– Ага, «обойдётся»! Не знаю, у тебя, может быть, и семь жизней, а у меня – одна. И матушка ждёт – одна. Мне умирать никак нельзя, никак!

Место для засады Батаев выбрал удачное. Минут через десять отделение лежало в небольшой яме, прикрытое со всех сторон природой. Увидеть с тропы их можно было, но подойдя совсем уж близко. Но это ещё нужно было умудриться сделать, тропа-то теперь заминирована.

Заморосил дождь, с гор подтянуло тяжёлую тучу, враз почернело небо.

– Что за погода, бля! Темень, как вечер уже! Вода эта, бля, за шиворот течёт. Что март, бля, что апрель, что август, что октябрь. Дубак и морось, сопли на носу, хуже некуда. Ненавижу горы, – пытаюсь втянуть голову поглубже в бушлат, чтобы на шею не капало, причитал Журавлёв. – Грёбанные горы, грёбаная Чечня! Ничему тут верить нельзя, даже природе.

– Тихо, Жура, тихо! Понимаешь, горы любить нужно, что-

бы они тебя не обидели, а оберегли, – Полосатов мысленно покрестился, попросил у Всевышнего защиты. – Верь мне, я в школе на секцию по туризму четыре года ходил. Два раза на Алтай ездил. На трёхтысячник взбирался, через пороги сплавлялся. И ничего, цел и невредим. Закалён и мускулист.

– Да ты говорил сто раз, – перебил Грибов, – так и записался бы в спецназ, чё в пехоте делаешь, болтун-альпинист. Шварценеггер херов.

– Мы не просто пехота, а разведка! Да и кто кого спрашивал, когда в армию забирал.

– Меня он спрашивал, – ожил вдруг Самигуллин, произнеся свои первые за день слова.

– Кто – «он»? – не понял Грибов.

– Мужик этот. Прапорщик в военкомате. Он спрашивал. Я сказал, что хочу в морскую пехоту. Как мой дед. Он под Ленинградом против фашистов воевал. Морпех он, – выложил, как на духу, Самигуллин. – А меня во Владикавказ отправили. Странные они, в военкомате, во Владикавказе моря нет, а они отправили.

– Ну ты, Тихий, совсем дурак, – загоготал, прикрывая ладонью рот Воропаев. – Молчи лучше, тут ржать нельзя, засветимся!

– И кто таких тугодумов в разведку служить отправляет? – Грибов задумчиво осмотрел Самигуллина. – Ещё и на войну. Это чистое вредительство.

– Не, брат, тут всё верно рассчитано, – хихикал Воропа-

ев. – Ты прикинь, если боевики в плен нас возьмут. Полосатов вот и послушать, и подслушать, и поговорить любит, он в курсе всех дел в роте. Боевики ему быстро яйца дверью прижмут и всё рассказать заставят. А Тихому хоть его яйца выдави и с луком поджарь! Тихий всё равно не скажет ничего, потому что ничё и не знает. Того хуже, он на допросе ещё и заснёт. Скажет, извините, дяденьки боевики, привычка такая – повсеместный сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.